

Болѣ четверти вѣка отдѣляло начало Крымской войны съ момента воцаренія Николая. За это время революціонныя бури нѣсколько разъ проносились надъ Европой. Франція пережила двѣ революціи и государственный переворотъ, въ Австріи единомышленникъ и союзникъ по неволѣ русскаго царя, князь Меттернихъ, былъ сраженъ революціей. Для Россіи же историческое время словно остановило свой бѣгъ. Та же система и тѣ же люди—и въ томъ, что царь и его канцлеръ пережили своихъ соперниковъ, завистниковъ и враговъ, они могли видѣть оправданіе самимъ Провидѣніемъ своей системы *domi militiaeque*. Восточная политика Николая была составной частью всей его политики и, какъ таковая, подчинялась, по крайней, мѣрѣ должна была подчиняться—общему духу этой послѣдней. Въ запискѣ, составленной Брунновымъ для наслѣдника Цесаревича¹⁾, давалась такая сравнительная характеристика восточной политики русскаго „кабинета“ при Екатеринѣ и при Николаѣ: „тогда онъ („кабинетъ“) поощрялъ христіанское населеніе Турціи къ достиженію освобожденія и политической независимости; теперь онъ внушаетъ ему необходимость соблюдать миръ и спокойно пользоваться благодѣяніями и преимуществами, коими оно обязано Россіи. Тогда онъ колебалъ Оттоманскую Имперію въ основаніяхъ ея; теперь же онъ содѣйствуетъ огражденію ея отъ паденія, въ томъ убѣжденіи, что поддержаніе безвредной державы на нашихъ границахъ и на берегахъ Босфора всего лучше соотвѣтствуетъ нашимъ истиннымъ пользамъ“. И однако, это только „стилизація“ и большое упрощеніе дѣйствительности. Временное преобладаніе „воздержательной“ и „охранительной“ тенденціи въ политикѣ русскаго „кабинета“ Брунновъ изображаетъ какъ окончательную и предѣльную цѣль его усилій. За границей отлично отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что дѣло обстоитъ гораздо сложнее. Въ 1848 г. Пальмерстонъ высказывалъ опасенія какъ бы „жандармъ Европы“, славій свои войска на усмиреніе венгровъ, не использовалъ въ своихъ интересахъ національно-освободительной идеи и не поднималъ балканскихъ славянъ²⁾. Эти опасенія существовали и ранѣе. Они обусловливались сознаніемъ, что выдержать принятую на себя Николаемъ двойную роль, „благодѣтеля“ христіанскаго населенія Турціи и охранителя *status quo* на Ближнемъ Востокѣ нѣтъ возможности и что позиція русскаго правительства

1) Цит. у Татищева, стр. 464.

2) См. E. Driault et M. Lhéritier, *Histoire diplomatique de la Grèce*, vol. II (1925), 320.